

Глава 1

Ярослав

— *М*ожет быть, уже хватит мелодраматических пауз, и вы наконец-то приступите к оглашению завещания? — раздраженно произнес, внутренне закипая при виде огорченной сестры.

Да, муж ее поддерживал, крепко сжимая тонкую ладонь, но это не отменяло того факта, что нотариус безбожно тянул.

— Ярослав Станиславович, еще не все в сборе.

Я оглядел собравшихся: сестра с мужем и мачеха. Старшего брата не было.

— Отец все же передумал и внес Святослава в список наследников? — удивленно поинтересовался я.

Юрист не успел ответить, дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая блондинка с ангельской внешностью и глазами цвета райских морей — моя жена, которую я не видел больше пяти лет. Потому что наш брак был абсолютной фикцией.

— Проходите, Маргарита Олеговна, присаживайтесь.

— Что за?.. — у меня даже слов не нашлось. Не мог же отец внести в список наследников эту стерву.

— Спасибо, — девушка приветственно улыбнулась нотариусу, кивнула сестре и мачехе, проигнорировав при этом меня. Захотелось сжать ее тонкие плечи и хорошенько встряхнуть.

— Итак, приступим, — с торжественным видом произнес нотариус.

Кулаки зачесались, требуя от меня дать этому дядечке по морде, ведь поводов для радости не было.

Смерть отца хоть и была ожидаема, но в то же время стала абсолютно внезапной.

Дальше последовал технический текст, заученный нотариусом, пожалуй, до дыр, и лишь после всех формальностей мужчина продемонстрировал нам конверт с печатями и подписями свидетелей на нем, а затем распечатал его и приступил к чтению вслух.

Своей жене отец завещал содержимое ячейки в банке. Я внутренне восторжествовал, позволив лишь краешку губ приподняться в легкой, почти незаметной улыбке.

— Соколовской Людмиле Мирославовне, законными представителями которой являются ее родители, я завещаю... — И дальше последовал

Подари мне себя

длинный список, который я если бы и захотел запомнить, то не смог бы.

Главное я услышал. Тридцать процентов нашей компании, в которой я пахал с шестнадцати, ровно половину своей жизни, отец завещал внучке. Значит, шестьдесят останется мне, ведь десять уже принадлежало семье старшего брата.

— Своему младшему сыну я завещаю недвижимость по адресу... — монотонно продолжил зачитывать текст нотариус.

Дом, в котором мы прожили всю жизнь. «Папочка, это лучший подарок», — мысленно обратился к отцу, благодаря за то, что наконец-то смогу вышвырнуть Марину вон из нашего дома.

— И двадцать процентов акций компании...

Я даже не успел осмыслить услышанное, как следующие слова лишили меня воздуха.

— Все остальное свое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось, я завещаю Огневой Маргарите Олеговне.

Что? Что он, твою мать, сейчас сказал?

— При исполнении ею следующих условий... — юрист прокашлялся, приготовившись читать дальше...

Я перевел взгляд на Риту, которая сжала на тоненьких коленках свои длинные пальчики

с французским маникюром. И почувствовал легкую дрожь в теле от того, как резко прилила кровь к паху. Как же не вовремя-то. А еще короче юбку эта стерва не могла надеть?

— Первое: она не имеет права расторгать брак с моим сыном, иначе автоматически все оставшееся имущество перейдет к моей жене Огневой Марине Павловне. — Мачеха довольно улыбнулась, в ее глазах загорелся торжествующий огонек, тогда как я тихо ругнулся и сжал ладони на подлокотнике кресла, иначе сорвался бы и вырвал из рук нотариуса долбаный листок с завещанием, нарушив тем самым процедуру оглашения последней воли отца.

Я не мог так поступить, потому сжимал челюсти все сильнее и панически искал выход и решение.

— Второе: она не имеет права продавать акции компании сторонним лицам.

Спасибо, папочка, хоть за это.

— Третье: как только она родит первенца от моего сына и это будет подтверждено документально анализом на отцовство, все акции, так же как и... — последовал очередной длинный список, — перейдут моему внуку либо внучке, распоряжаться этим до наступления его совершеннолетия будет Ярослав Станиславович. Все остальное так и останется за Маргаритой Олеговной, вклю-

Подари мне себя

чая квартиру в Милане, в которой проживает девушка на данный момент.

Ну, папочка!

У меня не было слов. Даже возбуждение схлынуло. Лишь один пар, который уже вовсю, наверное, валил из ушей. Я чувствовал себя огнедышащим драконом, который вот-вот извергнет пламя и сожжет им самодовольно улыбающуюся мачеху и удивленно хлопающую на меня своими небесными глазами жену. Потрясающей красоты суку, которую мне хотелось спалить еще сильнее, чем мачеху.

— Все? — тихо произнесла Славка, отвлекая меня от Риты. Я разорвал наш с ней зрительный контакт.

Нотариус кивнул сестре, затем все приступили к изучению письма, оставленного отцом, а я опять перевел взгляд на Маргариту. Как же сильно она изменилась. Повзрослела, стала еще красивее, если такое было вообще возможно, появилась некая надменность во взгляде, а движения стали более утонченными, отработанными. Она сидела, закинув ногу на ногу, аккуратно сложив на них руки и склонив голову так, словно уже позировала для объектива фотокамеры, даже ее пальчики лежали небывало красиво, расслабленно, но при этом довершая весь ее образ — эдакого ангелочка, спустившегося с небес.

Вероника Касс

Повел шеей, разминая позвонки. Подкинул папочка задачу. А если *эта* уже беременна от кого-нибудь? Откуда я знаю, кто ее трахал последние пять лет?

Ведь бедная, несчастная, униженная и оскорбленная жила все это время за границей — как выяснилось, в квартире отца — и строила из себя независимую женщину. Знать бы еще, за что она такие бонусы от отца получила.

Глава 2

Рита

Самая большая подстава в моей жизни случилась именно сегодня.

Я сидела в мягком кресле напротив нотариуса и из последних сил пыталась оставаться *здесь и сейчас*. Старалась не подавать виду, насколько сильно я удивлена. Да что там удивлена. Я была поражена выстрелом наповал. Подобной подлости я могла ожидать от кого угодно, но никак не от Станислава Владимировича, ведь именно он помог мне пять лет назад, когда я решила уехать из страны, и именно он поддерживал меня все это время.

Когда мне позвонил юрист и сказал, что я внесена в завещание Огнева и должна присутствовать на его оглашении, я почти не удивилась, подумала, что мужчина оставил мне квартиру, в которой я жила. Ведь Станислав Владимирович практически во время каждого нашего с ним телефонного разговора говорил об этом: «Прости, Риточка,

старика, опять запамятовал и не переписал на тебя квартиру».

Как будто я его вынуждала или на чем-то настаивала, нет. Совсем нет. Помощи я попросила у него единожды, а вся дальнейшая забота была лишь его инициативой и не могла не оставить следа в моей душе.

Мне было приятно. Безумно.

Я сорвалась в Россию сразу же, тем более у меня как раз был короткий отпуск. Закончился один длительный контракт, и я вот-вот должна была подписать новый, поэтому с такой легкостью бросила все и уехала. Не знаю, что говорило во мне в первую очередь, но я просто не могла позволить себе не присутствовать на похоронах Станислава Владимировича.

Благо Ярослав меня не заметил. Это стало моей победой. И вот сегодня я ошутила полный провал, сидела, сложив руки на ногах, и рассматривала маникюр, гипнотизируя собственные пальцы, чтобы они меня не выдали и не начали дрожать, а потом сжимать коленки своей хозяйки.

Я боялась. Чертовски испугалась всего, что произошло. Один раз встретила взглядом с мужчиной, который по документам до сих пор был моим мужем, и еле скрыла дрожь. Беспокойные мурашки побежали целым ворохом по моему телу.

Подари мне себя

Огнев смотрел так, словно уже вынес мне очередную приговор без суда и следствия и собирался препарировать прямо здесь. Не выходя из этого кабинета, не отходя от стола юриста, который в этот момент начал передавать завещание всем по очереди. Сначала дочери покойного, потом жене, затем мне.

Ярослав все это время смотрел на меня. Я чувствовала всем своим естеством его взгляд, прожигающий меня насквозь, испепеляющий мои внутренности и наполняющий их огнем, не дающим мне спокойно дышать.

Так было всегда. Он смотрел, а я не чувствовала себя самой собой. Рядом с ним я была готова быть кем угодно, но не собой. И сейчас малодушная часть меня тоже хотела исчезнуть, согнуться с земной поверхности лишь потому, что так желал Огнев.

Я уставилась на лист с текстом завещания, но не видела ничего, сжала пальцами бумагу и почувствовала, как глаза стали наполняться влагой.

Нельзя. Я не заплачу.

Я столько дней готовилась к этой встрече. И что же? Все бессмысленно? Нет-нет. Я не заплачу.

Кивнула, будто бы ознакомилась со всем, и вернула бумагу юристу, тот сразу же приподнялся и отдал лист Огневу.

Я видела боковым зрением, но не поворачивалась. Не могла. Встретиться еще раз с ним взглядом равносильно смерти. Смерти красивой и независимой Марго. Ведь где-то глубоко во мне до сих пор живет юная Риточка, которая по-прежнему тоскует по несбывшимся надеждам, предмету своего обожания и первой любви.

Чего уж тут.

— Мы можем быть свободны? — спросила жена покойного, и я в этот момент была ей очень благодарна.

— Сначала нужно расписаться. Леночка, — обратился нотариус к своему ассистенту, — все готово?

Девушка кивнула и поднялась со своего места с какой-то бумагой.

— Можно мне первой, — я подняла руку вверх, как на уроке, при этом покосившись на своего мужа, который все еще изучал завещание. Это был шанс сбежать отсюда побыстрее.

Я быстро поставила свою закорючку, даже не ознакомившись с текстом, в голове нарастал такой сильный гул, что мне было в этот момент абсолютно все равно. Хоть почку я заложу, главное — поскорее выбраться из этого душного помещения, которое казалось мне маленькой клеткой, несмотря на то что кабинет был огромным и, чего уж тут, шикарным.

Подари мне себя

Немым кивком я попрощалась со всеми присутствующими, кроме Ярослава, тот до сих пор читал завещание, и поспешила на выход. Мне казалось, что я спешила. Хотя на самом деле шла отточенной за годы практики походкой. Не быстрее, не медленнее.

Взялась за дверную ручку и потянула дверь на себя. Стоило только ступить в коридор, как у меня закружилась голова от облегчения.

Сделала шаг, второй, третий, и, кажется, жизнь начала налаживаться. Ко мне вернулся столь необходимый воздух. И именно в этот момент меня крепко дернули за плечо и запихали в ближайшее помещение.

— Туалет, серьезно? — фыркнула, теряя все самообладание.

— Случайно получилось, — усмехнулся Ярослав, глядя на меня своими стальными глазами, а у меня на душе скребли кошки. И, судя по размеру когтей, которыми они меня царапали, это были настоящие тигрицы. Они драли мою душу изнутри в клочья, когда я смотрела на такое знакомое и до боли родное лицо, которое в то же время было чужим и настолько далеким, насколько могут быть далеки друг от друга разные галактики.

Жесткие, надменные черты мужественного лица, взъерошенные густые светлые волосы, хму-